

S.M. Oganesyanyan, M.E. Zharkoy

SPECIFICITIES OF COMBATING CRIME WITHIN PLACES OF DETENTION IN THE USSR UNDER REPRESSIVE LEGISLATION OF LATE 1930S

Stepan Oganesyanyan – Professor, the Department of State Law Discipline, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Doctor of Law, Associate Professor, Gatchina; **e-mail: stepan-62.11.11@mail.ru**.
Mikhail Zharkoy – Senior Lecturer, the Department of State Law Disciplines, Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom, Phd in Law, Associate Professor, St. Petersburg; **e-mail: jarckoy@yandex.ru**.

The article focuses on the performance of forced corrective labour camps in the second half of 1930s with the specificities of combating crime in the places of detention in the USSR thus being highlighted. In addition the relevant regulatory acts aimed at regulating the principle of execution of penalty of deprivation of liberty are analyzed.

Keywords: *corrective labour establishment; individuals sentenced to deprivation of freedom; wide repressive activities of law-enforcement bodies; GULAG NKVD USSR.*

С.М. Оганесян, М.Э. Жаркой

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СССР В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ РЕПРЕССИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГГ.

Степан Мхитарович Оганесян – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, доктор юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: stepan-62.11.11@mail.ru**.

Михаил Эмильевич Жаркой – доцент кафедры теории и истории государства и права, ГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России», кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: jarckoy@yandex.ru**.

В статье рассмотрена практика работы исправительно-трудовых лагерей во второй половине 1930-х гг. Выявлены особенности борьбы с преступностью в местах лишения свободы в СССР в условиях применения репрессивного законодательства. Проанализированы нормативные акты, призванные регулировать порядок исполнения наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: *исправительно-трудовые учреждения; осужденные к лишению свободы; общерепрессивная деятельность правоохранительных органов; ГУЛАГ НКВД СССР.*

В конце 20-х – начале 30-х гг. началось образование многочисленной сети исправительно-трудовых лагерей, которая была под контролем у единого общесоюзного центра. Для выполнения планов пятилеток использовались заключенные, которые находились в таких лагерях. Заключенные

занимались заготовкой древесины, прокладывали дороги, строили заводы, а также добывали ископаемое топливо.

6 ноября 1929 г. вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «Об изменении ст. 10, 18, 22, и 38 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных

республик» [3]. В нем говорилось, что лишение свободы на срок до трех лет отбывается в исправительно-трудовых колониях. Лица же, осужденные к лишению свободы сроком выше трех лет и до 10, должны отбывать меру наказания в исправительно-трудовых лагерях, расположенных в отдаленных местностях страны.

Большинство лагерей территориально располагались в районах с особыми климатическими условиями: Крайний Север, Дальний Восток, Сибирь, Урал, Казахстан. В частности, районы республики Коми характеризовались холодным, дождливым климатом, зарослями с глубокими, непроходимыми болотами на водоразделах, плохим сообщением, бедностью природы и отсутствием местного продовольствия. При мокрой почве, постоянных дождях, комарах и т.п. жизнь была весьма трудной. В не менее суровых климатических условиях дислоцировались и другие лагеря.

В 1934 г. начинается реорганизация системы учреждений, исполняющих уголовные наказания, связанные с лишением свободы. Исправительно-трудовые учреждения ОГПУ и НКЮ уже в июле 1934 г. были переданы общесоюзному НКВД. В соответствии с приказом от 29 октября 1934 г. НКВД переименовали в Главное управление лагерей, трудпоселений и мест заключения. Уже ровно через четыре года НКВД СССР переименовали в Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудпоселений НКВД СССР, а еще через три года 26 февраля НКВД переименовали в Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР [25].

Следует отметить, что общерепрессивная деятельность правоохранительных органов, выполнивших соответствующую политическую установку, стала причиной существенного прироста числа заключенных лиц.

Уголовные авторитеты систематически провоцировали сотрудников и личный состав охраны, предпринимали попытки саботажа работы и дезорганизации режима лишения свободы, проводили антисоветскую агитацию. Причем ее формы во многом носили продуманный и системный ха-

рактер.

Так, например, отбывающий наказание в лагере Ленинградской области осужденный С. вел среди заключенных контрреволюционную агитацию, направленную против мероприятий по демократизации политической системы советского общества и дискредитирующих предстоящие выборы в Верховный Совет СССР, клеветнически высказывался об исправительно-трудовой политике Советской власти. При этом ранее был дважды судим по ст. 58¹⁰ УК. Осужденный Х. в своих высказываниях явно неуважительно относился и тем самым дискредитировал органы НКВД и исправительно-трудовую политику, распространял провокационные слухи о руководстве страны, предпринимал попытки сорвать стахановское движение среди заключенных. Ранее в 1933 и 1935 гг. был также судим за антисоветскую агитацию. Осужденный Т., содержащийся в Новгороде, ранее трижды судимый в период 1935–1937 гг. за воровство, втягивание несовершеннолетних в преступную деятельность и бандитизм, причем последний раз был приговорен к расстрелу, который был заменен 10 годами лишения свободы, мерам административного и воспитательного характера не поддавался, систематически нарушал режим содержания, предпринимал хулиганские действия по отношению к администрации тюрьмы, терроризировал своим поведением других заключенных. Все по решению «Особой тройки» УНКВД были приговорены к ВМН. А всего на ее заседании только 31 декабря 1937 г. по представлению отдела мест заключения было рассмотрено 45 дел, все фигуранты которых за контрреволюционную агитацию в местах лишения свободы были также расстреляны [5]. 30 июня 1938 г. на заседании той же тройки за побеги и уклонение от отбывания наказания были рассмотрены дела 35 осужденных, 29 из которых были осуждены к ВМН. Среди них П., он же М., Б., совершивший пять побегов из мест заключения, судимый 8 раз. Т. – воровка – рецидивистка, судимая 10 раз, Л. совершивший четыре побега и 6 раз судимый. А., дважды судимый, отбывающий наказание в Лужском лагере, систематиче-

ски нарушал лагерный режим, не выходил на работу, занимался мелкими кражами у других осужденных, разлагающе воздействовал на заключенных. 19 февраля 1938 г. по предварительному сговору с другими осужденными, совершил побег, был задержан на территории Кингисеппского района [6].

Вследствие сложных ситуаций, несоблюдения порядка и разногласий, которые возникали из-за дезорганизации производства, Президиум Верховного Совета СССР 15 июня 1939 г. подписал указ, ориентированный на ужесточение трудовой и производственной дисциплины в ИТУ. Указом Президиума Верховного Совета СССР для осужденных, которые прогуливали или отказывались выполнять работы, оговаривались более жесткие меры воздействия, например, карцер, усиленный лагерный режим и другие меры принуждения. К постоянным и злостным дезорганизаторам применялись более строгие и жесткие виды наказания, вплоть до ВМН. Качество предварительного следствия и судебного разбирательства проверялось тщательно, в том числе по делам «узников ГУЛАГа».

По состоянию на 20 апреля 1940 г. оперативно-чеккистскими отделами лагерей за дезорганизацию лагерной жизни и производства было привлечено к ответственности и предано суду 4033 чел. По отношению к общему количеству содержащихся в лагерях 1327031 чел. это составило 0,3%. Тем не менее, осуждено было только 201 чел., в том числе к ВМН – 56. Наибольшее количество осужденных по делам данной категории было в Сев-Востоклаге – 1068, БелБалтлаге – 377 и УстьВымлаге – 187 чел. [8].

Достаточно высокой была побегоопасность. На 1 января 1938 г. по 40 лагерям совершило побег 30016 осужденных, из которых 21571 чел. были задержаны. Только в октябре 1938 г. из 42 лагерей бежало 1855 осужденных [14]. Анализ побегов заключенных из тюрем НКВД – УНКВД за 1939 г. по 74 управлениям, отделам и отделениям, показывает, что всего за год бежало 306 чел. Больше всего было допущено побегов в НКВД Казахской ССР – 52, Узбекской ССР – 21, Украинской

ССР – 16, Башкирской АССР – 10, УНКВД Мурманской области – 15, Красноярского края – 7 и т.д. Не было допущено побегов из тюрем ГУГБ – Бутырской, Лефортовской и Ленинградской. В 1940 – 1941 гг. количество побегов значительно снизилось: если в 1940 г. было допущено 137 побегов, то в 1941 – 78; если в 1940 г. бежало 174 чел. (107 задержано), то в 1941 г. – 118 (задержано 90) [14]. Приведенные цифры показывают, что в 1940 – 1941 гг. количество групповых побегов из тюрем было примерно одинаковым, так как весьма коррелирует пропорциональность между количеством случаев и численностью бежавших. Последнее свидетельствует о повышении надежности охраны учреждений ГТУ, возросшей профессиональной выучке как сотрудников охраны, так и оперативных аппаратов тюрем. В тоже время имелись и случаи грубого нарушения правил несения службы и обеспечения режима содержания. Например, 12 декабря 1940 г. в тюрьме № 2 УНКВД Краснодарского края (г. Канск) дежурный помощник начальника тюрьмы и надзиратель при проверке одиночных камер оставили незапертой камеру, в которой содержался осужденный к ВМН. Воспользовавшись этим, он вышел в коридор, осмотрел через глазки все камеры коридора, затем вызвал надзирателя и попросил запереть за ним камеру. В тюрьме № 3 НКВД Армянской ССР ДПНТ и надзиратель по халатности забыли запереть карцер, в котором содержался заключенный К. Тот вышел в коридор, зашел в соседнюю камеру, заключенные которой находились на прогулке, и похитил там спички и табак, после чего вернулся в карцер [16]. По счастливой случайности в обоих случаях не произошло трагических последствий.

В соответствии с концепцией карательной политики в 1930 гг. происходят изменения в структуре и режиме содержания мест заключения. В 1934 г., как уже отмечалось, состоялась передача исправительно-трудовых учреждений и изоляторов для подследственных в ведение вновь образованного Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР [4]. Для мест лишения свободы это не было формаль-

ным актом. Менялась исправительно-трудовая политика, и менялся подход к лицам, заключенным под стражу. На 1 февраля 1937 г. числилось 347000 следственно-арестованных, из них: 193400 числилось за органами УГБ, 72800 – за милицией, 80800 – за органами суда и прокуратуры [17].

В конце 1938 г. тюрьмы для содержания подследственных (как и ДОПРы) называли общими тюрьмами. Однако название не прижилось, поэтому в 1939 г. их переименовали обратно в изоляторы для подследственных. Помимо таких тюрем, обвиняемые находились в камерах предварительного заключения органов милиции, которые подчинялись Главному управлению милиции НКВД СССР [1, с. 73].

Приказ НКВД СССР от 28 июля 1939 г. № 00859 установил Положение о тюрьмах НКВД для содержания подследственных [18] и инструкцию по применению отдельных статей этого Положения. Согласно Положению заключенные должны были находиться в камерах тюрем для содержания подследственных под охраной. Заключенные были разделены на 60 категорий, каждая категория подлежала изоляции отдельно с учетом пола, возраста и т. д. Основным критериям, по которым делили на категории:

- 1) мужчины отдельно от женщин;
- 2) несовершеннолетние отдельно от взрослых;
- 3) подростки от 12 до 16 лет отдельно от несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет;
- 4) рецидивисты;
- 5) лица, обвиняемые в преступлениях контрреволюционного характера;
- 6) бывшие работники НКВД, НКЮ, прокуратуры, суда, военнослужащие офицерского состава, а также ряд других лиц.

На средства тюрем регулярно выписывались газеты и журналы, которые предназначались для несовершеннолетних заключенных.

За нарушение тюремного режима несовершеннолетнего помещали в камеру-изолятор сроком до 5 суток, но у заключенных с хорошим поведением была возможность возбуждения ходатайства о досрочном снятии взыскания и возвращении к

обычному режиму. Содержание несовершеннолетних заключенных в карцере и использование по отношению к ним смиренной рубашки было запрещено. За особо злостное нарушение режима полагалось до 20 суток лишения прогулки и перевод в карцер. Остальные меры дисциплинарного воздействия увеличивались до 2 месяцев, но только с санкции руководства соответствующего УНКВД. Интересно, что подследственным, в отличие от тех, кто числился за УГБ, запрещалось получать письма (п. а) ст. 34) [19]. Надо сказать, что проблема административной сегрегации достаточно четко регулировалась. Так, приказом НКВД СССР от 21 ноября 1940 г. был расширен перечень мер наказания, которые могли налагаться на заключенных за допущенные нарушения режима. В частности, установлена мера наказания в виде перевода всей камеры на карцерный режим на 7 суток (в случаях, когда все или большинство заключенных данной камеры нарушали правила тюремного режима; заключенные отказывались назвать нарушителя правил тюремного режима; другие виды общекамерного наказания были недостаточны ввиду тяжести совершенного нарушения) [1, с. 78]. Этим же приказом в ст. 43 добавлено в качестве дисциплинарных наказаний внеочередное дежурство по уборке камер на срок до 7 суток, лишение прогулки на тот же срок, лишение книг, игр и т.п. до 15 суток, лишение переписки, свиданий с родственниками на срок до 1 месяца, лишение премиального вознаграждения на срок до 1 месяца (касалось только осужденных из числа хозяйственной обслуги), перевод в карцер на срок до 20 суток [20]. За особо злостные нарушения на основании п. 32 и с санкции начальника ГТУ НКВД мера взыскания могла быть увеличена на срок до 3 месяцев, а перевод в карцер – на срок до 20 суток [20]. Как видим, по сравнению со следственно-арестованными, меры взыскания к осужденным в тюрьмах ГУГБ были более жесткими, однако по отношению и к тем, и другим присутствует мера наказания, связанная с лишением игр, что говорит об организации досуга и культурно-воспитательной работе в учреждениях для отбыва-

ния наказания.

В мае 1941 г. приказом НКВД СССР был утвержден Временный Устав службы военизированной охраны ИТЛ и колоний НКВД СССР. Согласно ст. 429 Устава к заключенным, нарушающим в пути следования установленный режим, начальник конвоя мог применять следующие меры воздействия: предупреждение, выговор, лишение права покупки в пути табачных изделий и перевод в карцер на срок до 5 суток. За оскорбление конвоя (ст. 430) полагалось наказание в виде карцера сроком на 7 суток, при оскорбительных действиях – плевки, попытки нанесения удара и пр. – до 10 суток, что отражалось в справке к личному делу [23].

Совместным приказом НКВД СССР Л.П. Берия и Прокурора СССР В.М. Бочкова от 22 июня 1941 г. всем наркомам, начальникам УНКВД, ИТЛ, прокурорам союзных и автономных республик, крайвым, областным прокурорам приказывалось прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников, а также подвергнуть аресту заключенных, на которых имеются материалы по антисоветской деятельности [24]. В то же время 12 июля и 24 ноября 1941 г. вышли указы Президиума Верховного Совета СССР о досрочном освобождении некоторых категорий заключенных, с передачей лиц призывного возраста в Красную Армию. В соответствии с ними было освобождено 420 тыс. заключенных [2, с. 109].

Как видно, предпринимаемые меры для борьбы с преступностью в местах лишения свободы были адекватными и соответствовали интенсивности и динамики криминальных проявлений. Криминологическая характеристика спецконтингента прямо подтверждает правильность курса карательной политики Советского государства в специфических условиях политической системы общества в рассматриваемый исторический период. Сказанное позволяет нам утверждать, что сегодня неправомерно и безосновательно все заключенные рассматриваются как невинно пострадавшие жертвы сталинских политических репрессий. С каждым годом искажа-

ется память перед невинными пострадавшими людьми и перед будущим поколением, которое не узнает своей настоящей истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.Н. Содержание под стражей в СССР и России. М., 2000. 200 с.
2. Лысков Д.Ю. «Сталинские репрессии». Великая ложь XX века. М., 2009. 288 с.
3. СЗ СССР. 1929. № 72. Ст. 686.
4. СЗ СССР. 1934. № 56. Ст. 421.
5. Архив ГУВД СПб. ЛО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 420. Л. 1–4.
6. Архив ГУВД СПб. ЛО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 424. Л. 3, 7, 8, 16, 24.
7. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 16. Л. 53–53об.
8. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1152. Л. 3, 5.
9. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1138. Л. 59.
10. ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 11. Л. 1об.
11. ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 11. Л. 2об.
12. ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 18. Л. 159.
13. ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 11. Л. 3об–6об.
14. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1140. Л. 53, 3.
15. ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–4, 9.
16. ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 18. Л. 64.
17. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1138. Л. 21.
18. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 8. Л. 30–58.
19. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 8. Л. 35об.
20. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 16. Л. 121–122.
21. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 8. Л. 110–113.
22. ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.
23. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2509. Л. 82.
24. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2507. Л. 40–40об.
25. ГАРФ. Предисловие к перечню фонда № 9414. Оп. 1. Л. II–III. См. также: Дугин А.Н. Неизвестные документы о репрессиях 30–50-х годов (по фондам ЦГА-ОР) // Административно-командная система управления. Проблемы и факты. М., 1992. С. 69–87.